

ТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «КЛЕОПАТРА» *

Стихотворение «Клеопатра» имеет совершенно особую судьбу в творчестве А. С. Пушкина. Оно было написано в 1824 году, затем Пушкин неоднократно переделывал его; последний раз поэт обратился к нему в 1835 году, когда подверг его наиболее радикальной переработке. Однако последняя обработка не была доведена Пушкиным до конца.

При жизни Пушкина «Клеопатра» так и не увидела света. Впервые это стихотворение, в очень произвольной компоновке, появилось не в качестве самостоятельного произведения, а как импровизация итальянца в «Египетских ночах»¹. Вставлено оно было туда по той причине, что в подлинной рукописи Пушкина после слов «Импровизация началась» ничего не следовало. Но так как тема, заданная импровизатору, совершенно совпадала с темой данного стихотворения, то посмертный издатель повести Пушкина и счел вполне уместным включить в повесть именно это стихотворение, хотя мы можем с уверенностью утверждать, что Пушкин готовил для импровизации другой текст. Так с 1837 года стихи эти и печатались в составе «Египетских ночей» и в той же компоновке. Так они печатаются и сейчас во всех наиболее популярных изданиях.

Между тем этот текст является весьма спорным. Чтобы в этом убедиться, необходимо познакомиться с историей создания этого стихотворения.

¹ «Современник», 1837, № 8, стр. 21—24.

История стихотворения «Клеопатра» была уже предметом специального изучения. С. М. Бонди в своей книге «Новые страницы Пушкина» (1931) подробно рассказал о всех стадиях работы Пушкина («К истории создания «Египетских ночей»», стр. 148—205)¹.

Вкратце эта история сводится к следующему. Впервые к сюжету о Клеопатре Пушкин обратился в октябре 1824 года в Михайловском. Тогда им была написана историческая элегия «Клеопатра». До нас дошел как черновой, так и беловой текст этого стихотворения. На рукописи указан и исторический источник сюжета: Пушкин сбоку написал «Aurelius Victor».

Что именно имел поэт в виду, явствует из текста его неоконченной повести «Мы проводили вечер на даче...» (1835):

« — Надобно знать, что в числе латинских историков есть некто Аврелий Виктор, о котором, вероятно, вы никогда не слыхивали.

— Aurelius Victor? — прервал Вершнев, который учился некогда у езуитов. — Аврелий Виктор, писатель IV-го столетия. Сочинения его приписываются Корнелию Непоту и даже Светонию; он написал книгу *de viris illustribus* — о знаменитых мужах города Рима, знаю...

— Точно так, — продолжал Алексей Иванович, — книжонка его довольно ничтожна, но в ней находится то сказание о Клеопатре, которое так меня поразило. И — что замечательно, — в этом месте сухой и скучный Аврелий Виктор силою выражения равняется Тациту: *Haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostiterit; tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint...*

— Прекрасно! — воскликнул Вершнев. — Это напоминает мне Саллюстия — помните? *Tantae...*

— Что же это, господа? — сказала хозяйка, — уж вы изволите разговаривать по-латыни! Как это для нас весело! Скажите, что значит ваша латинская фраза?

¹ Однако С. М. Бонди пришел к выводу, что печатаемый традиционный текст, за мелкими поправками, правилен; вывод этот, как мне кажется, не вытекает из истории текста.

— Дело в том, что Клеопатра торговала своею красотою и что многие купили ее ночи ценою своей жизни...»¹.

Названный и процитированный здесь полностью исторический источник очень скуден. Он дает только психологическую характеристику Клеопатры и не сообщает никаких подробностей упоминаемых фактов. Всё действие элегии всецело принадлежит творческой фантазии Пушкина. В центре сюжета остается психология героини. Поэтому мы почти не находим археологических деталей, признаков живописного исторического колорита.

Построение этой первой редакции² исторической элегии таково. Начинается она с экспозиции, вкратце характеризующей пир:

Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.
Все, Клеопатру слава хором,
В ней признавая свой кумир,
Шумя, текли к ее престолу,—
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась — и долу
Поникла дивною главой.

Вторая часть включает вызов Клеопатры. Ее краткая речь кончается словами:

Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою.

¹ Цитирую по беловому автографу, известному в литературе под старым шифром ЛБ № 2386 В, лл. 21 об. и 19, ныне ПД 1011, лл. 2 об. и 3. Во всех изданиях, вплоть до большого академического, пушкинские автографы цитировались под шифрами их хранения до 1937 года. Первые буквы обозначают места хранения (ЛБ — библиотека имени В. И. Ленина в Москве, ПД — Пушкинский дом в Ленинграде). Теперь все рукописи сконцентрированы в Пушкинском доме (Институт русской литературы Академии наук СССР), и здесь они соединены с ранее хранившимися здесь автографами и получили новые шифры. Таким образом, шифры, которым предшествует сокращение ПД, являются нынешними шифрами автографов.

² Эта первая редакция 1824 года известна в двух автографах: 1) черновой в тетради ЛБ № 2370 (ныне ПД 835), разбросанный на листах 22 об., 23, 30 об., 35, 18 об. и 37 об.; 2) белой в тетради ЛБ № 2367 (ныне ПД 833) на лл. 33 об. — 35. На этот автограф нанесены позднейшие поправки (до стиха «И ложе смерти их зовет»; одновременная с этими поправками переделка дальнейших стихов находится в той же тетради на лл. 49—50). Расхождения в нумерации листов, данной в разных изданиях и публикациях, объясняются тем, что тетради имеют тройную нумерацию: жандармскую, опекунскую и архивную, не всегда совпадающие. Здесь дана архивная нумерация.

В третьей части рисуется смущение толпы. И Клеопатра повторяет вызов:

Я жду, — вещает, — что ж молчите?
Иль вы теперь бежите прочь?
Вас было много: приступите,
Торгуйте радостную ночь.

В четвертой части описывается, как трое поклонников Клеопатры принимают ее вызов:

Свершилось: куплены три ночи...
И ложе смерти их зовет.

Пятая часть состоит из клятвенного обращения Клеопатры к Киприде и божествам ада. При этом ритм элегии меняется. Вместо быстрого четырехстопного ямба Пушкин избирает классический торжественный александрийский стих:

Примите мой обет: до сладостной зари
Властителей моих последние желанья
И дивной негой и тайнами лобзанья,
Всей чашею любви послушно упою...
Но только сквозь завес во храмину мою
Блеснет Авроры луч, клянусь моею порфирой,
Главы их упадут под утренней секирой!

Последняя часть, писанная вольным ямбом с резким преобладанием шестистопного, характеризует трех любовников: первый — воин Аргилай, второй — эпикуреец Критон.

Последний имени векам не передал,
Никем не знаемый, ничем не знаменитый;
Чуть отроческий пух, темнея, покрывал
Его стыдливые ланиты.
Огонь любви в очах его пылал,
Во всех чертах любовь изображалась, —
Он Клеопатрою, казалось, дышал,
И молча, долго им царица любовалась.

На этом элегия кончалась. Этим завершается черновой текст, на этом кончается и беловая рукопись (из которой здесь и приведены цитаты).

Существует мнение, что стихотворение осталось неоконченным¹. О происхождении этого мнения речь будет далее, но непосредственное знакомство с редакцией 1824 года не дает основания заключать о незаконченности элегии. Вряд ли Пушкин стал бы переписывать набело стихотворение, не доведенное до своего конца. Между

¹ Его придерживается и С. М. Бонди в названной работе и в отредактированном им тексте, напечатанном в большом академическом издании, т. 3, стр. 130—132.

тём никаких попыток наметить продолжение не имеется ни в черновике, ни в беловике. И в самом деле, психологический конфликт стихотворения состоит в том, что дерзостный, холодный вызов Клеопатры терпит некоторое поражение перед любовью юноши, который принял этот вызов совсем не из тех, тоже холодных, мотивов, которыми руководился воин, не стерпевший «презренья хладного» от женщины, и философ, изнеженный поклонник чувственных наслаждений. Клеопатра едва ли не побеждена любовью юноши. В этом заключительная психологическая ситуация элегии. И Пушкин, видимо, совершенно не собирался продолжать элегию и описывать самую ночь Клеопатры, так как это продолжение не могло обогатить психологического содержания в характеристике Клеопатры.

Замечу, что сюжет этой элегии не связан с какими-либо другими сюжетами поэзии Пушкина того же времени; во всяком случае, трудно угадать эту связь, если она и существует. Не может быть связано данное стихотворение и с историческими интересами Пушкина. Ничего исторического в самой элегии нет. Обстановка обрисована очень скудно, в меру совершенной необходимости. Вряд ли можно примкнуть к мнению, будто в «Клеопатре» «отображен древний Восток»¹.

Следующее обращение к этой элегии относится к 1828 году. Пушкин подверг стихотворение стилистической и метрической переработке. Он отказался от смешанных размеров и переложил все стихотворение четырехстопным ямбом. Кроме того, и самые стихи четырехстопного ямба, входившие в первую редакцию, были переделаны. Так как стихи того же размера, что и в последней редакции, переделывались сравнительно немного, то свои поправки Пушкин наносил непосредственно на старый текст. Но там, где шестистопный ямб перелажался в четырехстопный, изменение текста было настолько существенно, что соответственные части Пушкин записал в виде самостоятельных черновиков на свободных страницах той же рабочей тетради (положение этих черновиков и дает воз-

¹ Н. Н. Степанов пишет: «Древний Восток отображен Пушкиным в «Египетских ночах», «Клеопатре», «Подражаниях Корану», отрывке «Когда владыка ассирийский» и т. д.» («Исторические воззрения А. С. Пушкина». Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Л., 1949, стр. 3).

возможность датировать переработку). Переработка 1828 года касалась только текста, а не композиции стихотворения. Последовательность частей оставалась та же самая. Однако в пределах каждой части изменения довольно велики¹. Так, первые четыре стиха стали:

Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуках флейт и лир,
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.

Первые два стиха являлись новыми. Они вводили некоторые — правда, всё ещё скудные — подробности обстановки (в первой редакции, кроме «золотой чаши», никаких аксессуаров действия не было).

Это — самая существенная переделка первой части. Вторая часть тоже подверглась только мелким стилистическим изменениям.

Третья часть слита с четвертой, причем исключена вторая, краткая речь Клеопатры:

Я жду, — вещает, — что ж молчите?

и т. д.

Таким образом, развитие действия сжато и ускорено: претенденты являются без второго вызова.

Существенной переработке подверглась пятая часть (писанная в первой редакции александрийским стихом). Отброшен начальный стих:

И снова гордый глас возвысила царица.

Прямая речь Клеопатры дана без авторских вводящих слов:

— Клянусь... о матерь наслаждений,
Тебе неслыханно служу,
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу.

Уже переписав стихотворение полностью, Пушкин внес в него некоторые поправки, о которых речь будет дальше.

После этого Пушкин долго не возвращался к своему замыслу. Новое обращение к нему относится к 1835 году. В это время Пушкин, по-видимому, уже отказался от мысли сохранить самостоятельность этого произведения. Он хотел ввести его в прозаическое повествование и свя-

¹ Переделав вчерне текст в тетради, где был беловой текст 1824 года, Пушкин переписал редакцию набело на отдельном листе (старый шифр ЛБ № 2376 В, лл. 1 и 22, новый шифр ПД 1022). Цитирую по этому автографу.

зять как-нибудь с сюжетом той повести, в которую будет введен рассказ о Клеопатре. Так в плане повести о смерти Петрония среди тем рассказов Петрония читаем: «1) О Клеопатре — наши рассуждения о том...».

В повести, оставшейся неоконченной, «Мы проводили вечер на даче», тема Клеопатры занимает много места. Там один из персонажей рассказывает о неоконченной поэме знакомого поэта, причем рассказчик то передает эту поэму в прозаическом пересказе, то цитирует из нее стихотворные отрывки. Именно из этой повести был мною процитирован диалог, в котором говорилось об Аврелии Викторе. Вот диалог, примыкающий к тому месту, где находится рассказ о Клеопатре:

« — Я предлагал ** сделать из этого поэму, он было и начал, да бросил.

— И хорошо сделал.

— Что ж из этого хотел он извлечь? Какая тут главная идея, не помните ли?

— Он начинает описанием пиршества в садах царицы египетской»¹.

Далее следует большой недоработанный отрывок, в котором прозаическое изложение прерывается стихотворными цитатами. Этот отрывок дошел до нас в различных автографах. Первый набросок находится в черновике повести. Вот это место (непосредственно за только что процитированными словами):

« — Клеопатра угощает поклонников. Гремит музыка. Евнухи разносят вина Италии. Народ теснится на порфирных ступенях».

Это описание сопровождается вариантом (хотя первоначальный текст не отменен):

«На берегу четверугольного озера, выложенного мемфисским мрамором [Клеопатра] угощает своих друзей. Порфирные львы с орлиными головами изливают воду из клевов позолоченных. Гости на ложах из слоновой кости. Гремит сладострастная музыка. Сирийский фиамом курится в кадилъницах. Широкие опахала навевают прохладу».

¹ Эта цитата и дальнейший текст в белой рукописи отсутствуют, берем ее из черновой рукописи (старый шифр ЛБ № 2386, Б, л. 25 об., новый шифр ПД 1012, л. 2 об.).

И после этого следует:

«И вдруг над чашей золотой
Она задумалась и тихо
Поникла дивною главой.

Пир утих... и будто задремал. Гости в недоумении».

Здесь же лист, на первой странице которого недоработанные наброски стихотворных кусков (ПД 1012, л. 3):

«Клеопатра пробуждается от задумчивости.

И пир утих и будто дремлет,
Но вновь она чело подымлет,
Надменный взор ее горит,
Она с улыбкой говорит:
— В моей любви для вас блаженство?
Внемлите ж вы моим словам:
Могу забыть я неравенство,
Возможно счастье будет вам.
Я зываю — кто приступит?
Свои я ночи продаю.
Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою»

Здесь же другие совершенно черновые отрывки:

Вотще в ней сердце томно страждет,
Она отрад безвестных жаждет,
Ничто ее не веселит,
Ничто души не умилилт...
И кто еще, о боги, мог
Переступить ее порог;
Войти в волшебные палаты,
И таинства ее ночей
Уразуметь в душе своей? ¹

Более законченный характер имеет рассказ о Клеопатре, сохранившийся в черновом тексте на отдельном листе (ПД 217). Этот лист показывает, что тема Клеопатры разрабатывалась независимо от повести, хотя и одновременно. Текст этот печатается в составе повести «Мы проводили вечер на даче»:

«Темная, знойная ночь объемлет африканское небо: Александрия заснула; ее стогны утихли, дома померкли. Дальний Фарос горит уединенно в ее широкой пристани, как лампада в изголовьи спящей красавицы.

¹ Эти наброски совершенно черновые и читаются с трудом; поэтому некоторые слова в разных изданиях даны различно; например, вместо слова «темно» читали «молча», вместо «умилит» — «усладит», что, мне кажется, неправильно.

*

Светлы и шумны чертоги Птолемеевы: Клеопатра угощает своих друзей; стол обставлен костяными ложами; триста юношей служат гостям, триста дев разносят им амфоры, полные греческих вин; триста черных евнухов надзирают над ними безмолвно.

*

Порфирная колоннада, открытая с юга и севера, ожидает дуновения Эвра; но воздух недвижим, огненные языки светильников горят недвижно; дым курильниц возносится прямо недвижною струею; море как зеркало лежит недвижно у розовых ступеней полукруглого крыльца. Сторожевые сфинксы в нем отразили свои золоченые когти и гранитные хвосты... только звуки кифары и флейт потрясают огни, воздух и море.

*

Вдруг царица задумалась и грустно поникла дивною головою; светлый пир омрачился ее грустию, как солнце омрачается облаком.

О чем она грустит?»

Кроме этого прозаического текста сохранилось два листка со стихотворным текстом, писанным тогда же.

На первом листке текст (черновой) сравнительно короткий (ПД 215).

И вот уже сокрылся день,
Восходит месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень
Фонтаны бьют, горят лампы,
Курится легкий фимиам.
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам.
В роскошном сумрачном покое
Средь обольстительных чудес
Под сенью пурпурных завес
Блестит ложе золотое.

Другой стихотворный отрывок обширнее (ПД 216):

Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще недостает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице
Толпой рабов охранена,

Спокойно властвует она.
 Покорны ей земные боги,
 Полны чудес ее чертоги,
 Горит ли африканский день,
 Свежеет ли ночная тень,
 Всечасно роскошь и искусства
 Ей тешат дремлющие чувства.
 Все земли, волны всех морей
 Как дань несут наряды ей.
 Она беспечно их меняет,
 То в блеске яхонтов сияет,
 То избирает тирских жен
 Покров и пурпурный хитон,
 То по водам седого Нила
 Под тенью пышного ветрила
 В своей триreme золотой
 Плывет Кипридою младой.
 Всечасно пред ее глазами
 Пиры сменяются пирами,
 И кто постиг в душе своей
 Все таинства ее ночей?..
 Вотще! в ней сердце томно страждет.
 Оно утех безвестных жаждет,
 Утомлена, пресыщена,
 Больна бесчувствием она...¹

Эти же стихи в черновом виде сохранились в одной из рабочих тетрадей Пушкина того же времени (ЛБ № 2384, ныне ПД 816, лл. 56—57).

В этом первоначальном черновике за стихом «Плывет Кипридою...» следуют очень черновые, недоработанные стихи, которые читаются так:

Она томясь порою бродит
 В своих садах. Она заходит
 В покои тайные дворца,
 Где ключ угрюмого скопца
 Хранит невольников прекрасных
 И юношей стыдливо страстных...

¹ Стихи подверглись позднейшей правке, не доведенной до конца. Эти поправки не введены в цитируемый текст. Вот редакция, какую приняло стихотворение после сокращений и переделок:

Какая грусть ее гнетет?	Всечасно пред ее глазами
Чего, чего недостает	Пиры сменяются пирами.
Царице юной и прекрасной?	Постиг ли кто в душе своей
В ее столице сладострастной	Немые таинства ночей?..
Веселье, блеск и тишина,	Вотще! в ней сердце глухо страждет.
Судьбою властвует она.	Утомлена, пресыщена,
Покорны ей Земные боги,	Утех, утех безвестных жаждет —
Полны чудес ее чертоги!	Больна бесчувствием она...
Все земли, волны всех морей	Однажды —
Смирненно дань приносят ей.	

В отличие от текстов 1824—1828 годов тексты 1835 года не объединяются в законченное произведение. Это всё наброски незавершенного произведения. Мы даже не можем быть уверены, что прозаическую программу Пушкин считал хотя и не полным, но достаточно определившимся текстом: что же касается стихотворных отрывков, то все они являются разрозненными частями неопределенного целого. Отрывки эти отчасти совпадают с отдельными местами текста 1828 года, отчасти являются совершенно новыми.

Однако при всей аморфности набросков 1835 года, не собранных Пушкиным в художественное единство, можно констатировать ряд характеризующих его замысел признаков.

Во-первых, можно утверждать, что сюжетные границы замысла и включенное в него действие не отличались от замысла 1824—1828 годов.

Об этом свидетельствует не только то, что по содержанию рассказов все сохранившиеся отрывки не выходят за пределы описанного в ранней редакции действия (пир, на котором происходит вызов и его принятие), но и то, что пределы этого действия определены в сопровождающем тексте тех повестей, в которые включал Пушкин новую обработку замысла о Клеопатре. Так, в повести «Мы проводили месяц на даче» цитируется Аврелий Виктор как источник поэмы, начатой другом рассказчика; в «Египетских ночах» Чарский так формулирует тему, предложенную для импровизации итальянца: «Я имел в виду показание Аврелия Виктора, который пишет, будто бы Клеопатра назначила смерть ценою своей любви и что нашлись обожатели, которых таковое условие не испугало и не отвратило...». В обоих случаях говорится лишь о том, что нашлись любовники, купившие ночи Клеопатры ценой смерти, но нет попыток рассказать о самих ночах.

Новое изложение представляет собой развитие первоначальной редакции, дополнение ее разъясняющими подробностями и попутными замечаниями. Так, например, в первой редакции время действия никак не определено. В новой редакции время пира отнесено к позднему вечеру. По-видимому, так представлял себе время пира Пушкин и в 1824 году.

Второе, что является несомненной особенностью редакции 1835 года и резко отличает ее от редакции 1824—

1828 годов,— это обилие археологических деталей. Пушкин явно не ограничивается данными Аврелия Виктора. Его привлекают исторические подробности о Египте времени Клеопатры. По-видимому, среди источников, из которых Пушкин заимствовал необходимые ему данные, было писанное Плутархом жизнеописание Антония. Пушкин мог и непосредственно обратиться к Плутарху, но натолкнуть его на этот источник могло и то, что Шекспир в своей исторической трагедии «Антоний и Клеопатра» (д. II, явл. 2) почти буквально воспроизвел плутарховские описания. Эти описания богаты и красочны, чему способствовало то, что Плутарх основывался на семейных рассказах. Плутарх писал: «Врач Филотас рассказывал деду моему Лампрею, что в тогдaшнее время он находился в Александрии». Рассказы Филотаса Плутарх и включил в свои описания.

Вот как описывается встреча Клеопатры и Антония: Клеопатра «плыла вверх по Кидну на лодке, коей передняя часть была позолоченная; поднятые паруса были пурпуровые; гребля производилась серебряными веслами по такту флейты, при звуках свирелей и гитар. Сама Клеопатра возлежала под золотым наметом, убранная с таким великолепием, с каким представляется Венера. Мальчики, уподоблявшиеся живописным Эротам, стояли по обеим сторонам и развевали ее. Прекраснейшие из ее прислужниц, украшенные нереидами и харитами, одни были у кормила, другие на веревках; берега были наполнены благоуханием от великого множества курений...»¹. По подобным описаниям Пушкин восстановил картину вечернего пира Клеопатры. Поэтому все описания 1835 года отличаются своим стилем от описаний 1828 года. Те были скупы лаконичны, эти изобилуют подробностями. Живописность всех этих подробностей и составляет особенность редакции 1835 года.

Но все эти описания имеют особую цель и особый смысл. В первой редакции история Клеопатры рассказана как психологический парадокс, не связанный ни с местом, ни с временем действия. Здесь эта же история изложена в тесном единстве с исторической характери-

¹ Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей. Перевел с греческого Спиридон Дестунис. Часть двенадцатая. Спб., 1820, стр. 171 и стр. 166—167.

кой эпохи. Клеопатра — не просто исключительный характер, не просто своеобразное воплощение крайнего сладострастия во всей его порочности; здесь Клеопатра — царица Египта периода его политического упадка, когда вся эта роскошь говорит не о могуществе государства, а о близкой гибели. Тема пресыщения выдвигается на первый план как психологическая характеристика описываемой эпохи.

Поэтому все эти прозаические и стихотворные наброски несоединимы со стихами 1828 года, так как они резко отличаются от них и по своему художественному стилю и по самой трактовке того же сюжета. Можно говорить не только о двух редакциях, но даже о двух произведениях на общий сюжет.

Рассказ о Клеопатре 1835 года остался несобранным. Отрывки как в прозе, так и в стихах не слагаются в единое целое и не представляют собой непрерывной последовательности. Создавать из этих отрывков единый текст было бы совершенным произволом.

Иначе обстоит дело с текстом 1828 года. Но для того чтобы установить окончательный текст этой редакции, необходимо отказаться от мысли, что историческая элегия о Клеопатре в этой первой редакции осталась незаконченной. В самом деле, она совершенно исчерпывает сюжет. Пределами этого стихотворного рассказа Пушкин ограничивал свои стихи четыре раза: в черновом и беловом тексте элегии 1824 года, в черновой обработке 1828 года и в белой копии 1828 года. Такое постоянство в составе стихотворения было бы совершенно необъяснимо, если бы конец стихотворения не был ясен для поэта и он считал бы свою элегию незаконченной. Следовательно, нет оснований что-либо прибавлять к составу белого автографа 1828 года. Между тем начиная с первой публикации и до наших дней к тексту 1828 года присоединяется отрывок «И вот уже сокрылся день», и этот отрывок, заканчивающийся стихом «Блится ложе золотое», создает впечатление незаконченности.

Присоединение этого отрывка к тексту 1828 года есть результат совершенного редакторского произвола.

Об автографе, содержащем эти стихи, до сих пор давались неверные сведения. Он известен под шифром ПД 215. В большом академическом издании он датирован сентябрем — октябрем 1830 года (т. 3, стр. 1170, датиров-

ка стихов 74—85, как помечены в академическом издании эти стихи). Ближайшее знакомство с этим листком совершенно опровергает указанную дату. В издании «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме» (1937) допущена ошибка при описании бумаги этого автографа. Данные об этой бумаге находятся под № 239 (белая бумага без водяных знаков с золотым обрезом). Между тем такой бумаги не было. Сличение этого листка с автографом, содержащим стихи «Какая грусть ее гнетет» (ПД 216), показывает, что оба автографа писаны на совершенно одинаковой бумаге. Это почтовая бумага большого формата с золотым обрезом. На одной половине листа водяные знаки гончаровской фабрики: «А Г 1834». Четверка почтового листа, на которой написаны стихи «И вот уже сокрылся день», оторвана от половины листа, на которой нет водяных знаков. Отсюда ошибка. Уже это совпадение в бумаге показывает, что стихи эти написаны одновременно с другими прозаическими и стихотворными набросками 1835 года. О том же говорит и почерк автографа.

Но к этому заключению мы могли бы прийти и не обращаясь к изучению бумаги и почерка. Самый стиль отрывка в достаточной степени свидетельствует, к какому этапу обработки рассказа о Клеопатре он относится. Изобилие деталей, описывающих обстановку (фонтаны, лампы, фимиам, пурпурные завесы, золотое ложе), так отличается от скупого стиля 1828 года и так совпадает с набросками 1835 года, что невозможно сомневаться в том, куда следует отнести эти стихи. И если ранее можно было еще (хотя и с малой долей вероятия) допускать, что к стилю живописного описания Пушкин мог прийти ранее 1835 года, в попытках продолжения стихов 1828 года, то теперь, при датировке этих стихов 1835 годом, это допущение совершенно отпадает.

Произвольное присоединение этих стихов к тексту 1828 года не только превратило законченное стихотворение в оборванный отрывок, но и извратило смысл самих стихов. Помещение их после клятвы Клеопатры и жребия, выпавшего трем ее любовникам, придает им особый смысл:

И вот уже сокрылся день,
Восходит месяц златорогий...

Наступает ночь, в которую совершится клятва Клеопатры. Правда, для такой последовательности описаний

следует допустить, что пир происходил днем, иначе бессмысленны слова «сокрылся день» (что противоречит тексту 1835 года). Но для редакторов, соединявших эти стихи с редакцией 1828 года, это не могло быть ясно, так как в том описании время суток, как уже говорилось, не обозначено.

Отсюда: «сумрачный покой» — спальня, а «ложе золотое» — это то ложе, на котором Клеопатра исполнит свою клятву.

Стих «Сладострастные прохлады» поддерживает именно такое понимание стихов. Но в таком случае действительно весь замысел Пушкина получает иное освещение: Пушкин хотел описать ночи Клеопатры, хотел продолжить свое стихотворение, а тогда не так уж неправ был В. Брюсов, «закончивший» стихи Пушкина подробным описанием исполнения клятвы Клеопатры и судьбы трех ее любовников.

Между тем подобное толкование не имеет за собой никаких оснований. Теперь мы знаем, что стихи относятся к замыслу 1835 года. А там время пира указано точно. Следовательно, описание расплаты не могло сочетаться с начальными стихами:

И вот уже сокрылся день,
Восходит месяц златорогий.

Сопоставление этих стихов с прозаической записью показывает, что единственное место, с которым связаны эти стихи,— это начальная часть описания пира¹. В данных стихах описывается пиршественный зал и пиршественное ложе. Мы знаем, что в древности на пирах возлежали на ложах. Пурпурные завесы, конечно, не постельный балдахин, а драпировка пиршественного зала. И стихи Пушкина приобретают свой подлинный смысл и одновременно находят свое место в поэтическом замысле Пушкина, не разрушая его.

Так решается вопрос о составе стихотворения 1828 года. Но впечатлению незаконченности стихотворения способствует и неправильная расшифровка поправок белого текста 1828 года (ПД 1022), допущенная при первой публикации и сохраненная во всех изданиях до последнего времени.

¹ «Темная, знойная ночь объемлет африканское небо» и т. д.

Как уже говорилось, в этой редакции клятвы Клеопатры (ее вторая речь) помещена без вводных авторских слов, и соответствующее место читается:

Свершилось: куплены три ночи
И ложе смерти их зовет.
Клянусь... о мать наслаждений,
Тебе неслыханно служу...

Пушкин решил переменить положение всей этой речи. Он отчеркнул стихи, заключающие вторую речь Клеопатры, от стиха «Клянусь... о мать наслаждений» и кончая стихом: «Глава счастливцев отпадет». Сбоку он поставил условный знак переноса. Но при этом он забыл повторить этот знак в том месте, куда эту речь следует перенести.

Вообще в автографе имеются некоторые недосмотры. Так, последние два стиха Пушкин заменил. Вместо:

И грустный взор остановила
Царица гордая на нем.

Пушкин написал:

И с умилением на нем
Царица взор остановила.

Однако он забыл зачеркнуть отмененные стихи, и потому редакторы по своему усмотрению выбирают то одну, то другую редакцию.

Возвращаясь к стихам, намеченным к переносу. Первый публикатор произвольно решил вопрос, перенеся клятву Клеопатры в конец стихотворения. Делать это было нельзя по ряду соображений. Если бы Пушкин захотел перенести эти стихи в конец стихотворения, то он вряд ли затруднился бы поставить в нужное место значок переноса. Для ясности необходимо учитывать расположение стихов на листе. Если раскрыть четырехстраничный писчий лист, на котором переписана «Клеопатра», то клятва занимает собой большую часть левой страницы (т. е. 2-й страницы листа)¹. А все стихотворение оканчивается на правой стороне (3-й странице листа), т. е. на том же «развороте». Повторить знак переноса не представляло никаких затруднений. Иное дело, если перенести стихи надо было на первую страницу листа и для того

¹ Вторая страница содержит текст, начиная со стиха «Вдруг из толпы один выходит» и кончая «Глава счастливцев отпадет». Следующая — 3-я — страница начинается стихом: «Благословенные жрецами». На этой странице стихотворение и кончается.

перевернуть страницу обратно. Пушкин мог, пока не высохли чернила, отвлечься нанесением других поправок (а их на открытых двух страницах порядочно), а затем просто забыть, что нужная помета им не нанесена.

С другой стороны, самым прочным в стихотворении является его конец. Как мог Пушкин в обработке стихотворения сделать такое изменение, что концевые строки оказались внутри стихотворения и, следовательно, потеряли значение замыкающих? И в результате сделанной перестановки, когда стихотворение стало завершаться последним стихом клятвы «Глава счастливцев упадет», получалось впечатление некоторой незаконченности, которая толкала на дальнейшие поиски продолжения.

Между тем следовало либо признать пушкинскую поправку непонятной и оставить стихи на том месте, где они находятся в автографе, либо поискать другое место, куда эти стихи надо переставить.

Первое решение было бы педантичным. Нельзя признать загадку, заданную недосмотром Пушкина, неразрешимой. Место, куда надо переставить клятву Клеопатры, надо искать не в конце, а в начале стихотворения. Здесь только одно место допускает перенесение этих слов Клеопатры. Конечно, Пушкин хотел соединить обе речи царицы в одну. Стих «Клянусь... о мать наслаждений» должен следовать непосредственно за стихом «Ценою жизни ночь мою».

Такое положение клятвы Клеопатры отчасти подсказано переработкой текста, сделанной в 1828 году. Конечно, именно эта клятва могла привести в ужас толпу гостей. В первой редакции 1824 года начальный призыв Клеопатры вызывал менее сильные движения чувства:

Она рекла. Толпа в молчаньи,
И всех в волнении сердца.

В редакции 1828 года эти стихи заменены более сильными:

Рекла — и ужас всех объемлет,
И страстью дрогнули сердца.

Именно такое движение уместнее всего после клятвы, в которой иступленное сладострастие сочетается с извращенной жестокостью. По-видимому, это и послужило мотивом для перестановки стихов. Во всяком случае, во всем стихотворении нет другого места, куда бы можно

было перенести эти стихи без разрушения естественной последовательности поэтического повествования.

Так как в такой композиции стихотворение еще никогда не печаталось, приведу его здесь полностью. При этом замечу, что в рукописи 1828 года оно не имеет названия. Но так как в текстах 1824 года стихотворение озаглавлено «Клеопатра», то не будет ошибкой сохранить это название и для текста 1828 года.

КЛЕОПАТРА

Чертог сиял. Гремели хорсм
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир;
Сердца неслись к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...
И пышный пир как будто дремлет.
Безмолвны гости. Хор молчит.
Но вновь она чело подымлет
И с видом ясным говорит:
«В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить...
Внемлите ж мне: могу равенство
Меж нами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?
Клянусь... о матерь наслаждений,
Тебе неслыханно служу,
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу.
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида,
Клянусь, до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утсмлю,
И всеми тайнами лобзая
И дивной негой утолю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь, под смертною секирой
Глава счастливых отпадет».
Рекла — и ужас всех объемлет.
И страстью дрогнули сердца...
Она смущенный рспот внемлет
С холодной дерзостью лица,

И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь; ясны очи;
Навстречу им она встает;
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседель;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним Критон, молодой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура...
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний имени векам
Не передал. Его ланиты
Пух первый нежно отенял;
Восторг в очах его сиял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И с умилением на нем
Царица взор остановила *.

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

Писатель и КНИГА

ОЧЕРК ТЕКСТОЛОГИИ

Издание второе

Государственное Издательство
«ИСКУССТВО»
Москва • 1959